

Когда столицы переносят: политическая география национального и государственного строительства

ЭДВАРД ШАЦ

Эдвард Шац, Доктор наук,
адъюнкт-профессор политических
наук Университета Торонто.
Адрес: 3359 Mississauga Road,
Mississauga, ON L5L 1C6, Canada.
E-mail: chair.pol.utm@utoronto.ca.

Ключевые слова: столица,
национальное и государственное
строительство, Вестфальская система,
Астана, Казахстан.

В статье анализируется перенос столицы как инструмент национального и государственного строительства, к которому все чаще прибегают различные государства. Автор сосредоточивается на недавнем примере Казахстана. Хотя перенос столицы Казахстана из Алма-Аты в Астану кажется беспрецедентным случаем для постсоветского пространства, в общем постколониальном контексте он не выглядит уникальным. Автор демонстрирует, что перенос столицы Казахстана был призван решить задачи национального и государственного строительства, особо остро стоявшие перед страной. Тот факт, что опыт Казахстана выглядит странным в контексте десоветизации, указывает на отличия постсоветского пространства от других постколониальных стран. Непопулярность переноса столиц на постсоветском пространстве свидетельствует, что весьма серьезные проблемы национально-государственного строительства в бывшем СССР переживаются куда менее остро, чем в ряде других случаев постколониального развития.

WHEN CAPITAL CITIES MOVE:
THE POLITICAL GEOGRAPHY OF
NATION AND STATE BUILDING

EDWARD SCHATZ. PhD, Associate
Professor of Political Science at
the University of Toronto.

Address: 3359 Mississauga Road,
Mississauga, ON L5L 1C6, Canada.
E-mail: chair.pol.utm@utoronto.ca.

Keywords: capital, nation and state
building, The Westphalian system,
Astana, Kazakhstan.

Capital relocation (i. e., the physical move of the central state apparatus from one location to another) is an unusual tool for nation and state building. Yet, it is used more frequently than we might expect. Thus, when Kazakhstan shifted its capital city in 1997 from Almaty to Astana the move was unique in that post-Soviet region, but not as uncommon in other post-colonial cases. This paper examines the move of the capital in Kazakhstan suggests that this move was designed to address particularly acute nation-and state-building challenges. If the Kazakhstan experience seems strange in de-Sovietization, this tells us much about the different nature of post-Soviet space versus other post-colonial contexts. The relative in frequency of capital moves implies that the challenges of nation and state building in the ex-USSR—as daunting as they have proved to be—are generally not as acute as in those of other post-colonial contexts.

ПЕРЕНОС столицы (а именно физическое перемещение государственного аппарата из одного города в другой) — это не совсем обычный инструмент национально-государственного строительства. Тем не менее к этому средству прибегают чаще, чем можно было бы ожидать. Хотя перенос столицы Казахстана из Алма-Аты в Астану выглядел беспрецедентным случаем для постсоветского пространства, он не был таким уж уникальным в общем постколониальном контексте. В этой статье я покажу, что такой шаг, как перенос столицы в Казахстане, был призван решить задачи национального и государственного строительства, особо остро стоявшие перед страной. Тот факт, что опыт Казахстана представляется странным в контексте десоветизации, указывает на существенные различия постсоветского пространства и других постколониальных контекстов. Небольшая распространенность переноса столиц указывает на то, что проблемы национально-государственного строительства в бывшем СССР, казалось бы такие серьезные, в целом ощущаются куда менее остро, чем в других постколониальных кейсах.

ВВЕДЕНИЕ

В декабре 1997 года столица Казахстана была перенесена из живописной Алма-Аты в юго-восточном районе в Акмолу (позже переименованную в Астану) в северо-центральной

Рабочий доклад № 303. Институт международных исследований имени Хелен Келлог (Университет Нотр-Дам), февраль 2003. URL: <http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/303.pdf>. Перевод с английского Антона Котенева.

степи¹. Поначалу общепринятое мнение состояло в том, что решение о переносе — странное, экстравагантное и ошибочное². Западные наблюдатели питали схожие чувства, называя перенос столицы «загадочным»³, а ее новое месторасположение — «мрачным форпостом в центре Большой евразийской степи»⁴. Первоначальная приблизительная смета составляла \$400 млн, однако она продолжала расти даже после того, как Нурсултан Назарбаев, президент Казахстана, заявил, что перенос столицы не будет оплачиваться из средств бюджета⁵. Чем больше представители Запада наблюдали за авторитарными тенденциями Назарбаева и его персоналистским стилем управления, тем больше решение о переносе столицы Казахстана представлялось обычной прихотью лидера страны. К тому же в условиях падения промышленного и сельскохозяйственного производства, растущей безработицы, коллапсирующих систем образования и здравоохранения перенос казался глубоко несвоевременным⁶.

При всей кажущейся странности переноса столицы в Астану⁷ подобное не является чем-то совсем уникальным. С 1950 по 1990 год 13 стран в Латинской Америке, Африке и бывшем СССР перенесли свои столицы. Распространенность этих процессов во времени и пространстве ставит следующие вопросы. Стоит ли за переносами столиц общая логика? Что подталкивает представителей элиты к выбору такой дорогостоящей и рискованной стратегии?

1. Я благодарен Люкану Вэю и Джону Шоберлайну за комментарии к первым наброскам этой работы.
2. Каламов предлагает критическую установку, представляющую собой смягченную версию той позиции, которую простые люди выражают более грубо. См.: *Каламов К.* Астана — большая «потемкинская деревня». Северная столица Казахстана напоминает город третьего мира // *Время ПО*. 24 января 2001. URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a075.htm>.
3. *Matloff J.* Puzzle over capital move in Central Asia // *Christian Science Monitor*. February 3, 1999.
4. *Bransten J.* Kazakhstan: Waiting For Nazarbayev In His New Capital // *Radio Free Europe / Radio Liberty*. October 09, 1997. URL: <http://www.rferl.org/content/article/1086797.html>.
5. Вполне возможно, что в существенной части реконструкция столицы финансировалась внебюджетными фондами, игравшими значительную роль в национальной экономике Казахстана. Кроме того, многие зарубежные правительства и подрядчики приступали к строительно-монтажным работам в новой столице для того, чтобы укрепить свое присутствие в прибыльных добывающих отраслях новой независимой страны.
6. В 1997 году, когда я начинал полевую работу, мне было сложно представить, что этот перенос вообще состоится, я недооценил ресурсы и политическую волю, которые его обеспечили.
7. Для простоты я называю город Астаной, хотя имею в виду период до переноса столицы.

В этой статье я попробую связать перенос столицы с мерами, принимаемыми в интересах национально-государственного строительства. Мой тезис состоит в том, что перенос столицы представляется элитам привлекательным сценарием куда чаще, чем этого бы хотелось⁸ широким слоям бюрократии, особенно в постколониальных ситуациях.

Задача государственного и национального строительства не имеет простого решения. Как правило, элита осуществляет перемены по частям, применяя набор стратегий, начиная с неограниченного использования силы для уничтожения базы оппозиционных сил, понуждения к уступкам и поощрения лояльности и заканчивая более гуманными способами убеждения, создающими стимулы для принятия политической системы, такими как политическая активность и институциональное строительство. Элиты, действительно желающие повысить эффективность институций и произвести новый тип лояльности национального сообщества, сочетают для достижения своих целей⁹ методы кнута и пряника.

Перенос столицы — это один из наиболее инновационных инструментов формирования гражданской и национальной идентичности. Это очень серьезное предприятие, и большинство лидеров боятся финансовых, логистических и политических потерь. В связи с необходимостью серьезных и невосполнимых издержек столицы переносятся редко. В самом деле, многие попытки переноса столиц провалились и остались так и незавершенными памятниками грандиозным идеям. Но есть нечто любопытное в том факте, что столицы вообще переносятся. Какие обстоятельства заставляют элиты идти на этот радикальный шаг и чем эти ситуации отличаются от большинства случаев, в которых столица все же остается на своем месте?

Я использую пример Казахстана для того, чтобы привести два сравнительных аргумента. Во-первых, по сравнению с дру-

8. Это не утверждение об оптимальных стратегиях. Я не утверждаю, что перенос столицы решает дилеммы государственного или национального строительства. Сами по себе переносы столиц не могут создать веберийской бюрократии или сформировать национальную идентичность. Вместо этого я предлагаю структурную и вероятностную логику: когда альтернативные институты и альтернативные популярные лояльности бросают вызов позициям государственной элиты, перенос столицы становится способом ответа на эти вызовы.

9. Не все элиты ищут пути строительства жизнеспособного государства и формирования национальной идентичности; большинство хищнических элит просто присваивают себе ресурсы страны для персонального обогащения. Как показывает эта статья, многие элиты пытаются добиться и того и другого: построить государство, сформировать нацию — и сделать это тем путем, который принесет им огромные персональные дивиденды.

гими государствами на территории бывшего СССР (ни в одном из которых столица не была перенесена) Казахстан начала 1990-х столкнулся с острыми проблемами в сфере национально-государственного строительства, и это вело к глубокой дестабилизации¹⁰ — перенос столицы в Астану был призван ответить на эти вызовы. Во-вторых, эти вызовы во многом напоминали те, с которыми столкнулись государства постколониальной Африки. Сравнивая редкость такого явления, как перенос столиц на территории бывшего СССР, с его относительной распространенностью в постколониальной Африке, мы видим принципиальные различия в политической географии двух континентов.

Я разделил эту статью на четыре части. В первых двух я рассматриваю вопрос о том, что перенос столицы может рассказать нам о государственном и национальном строительстве. В первой части сравнивается перенос столиц в Европе времен Вестфальской системы с похожими переносами за пределами Европы и особенно в постколониальных контекстах. Во второй части я обращаюсь к компартиvistской литературе по теме переноса столиц. Эта литература весьма обширна, и большинство исследований носят идеографический характер (я вернусь к этому пункту ниже), но в целом, пусть и неявно, прослеживаются три основные линии. В третьей части я обращаюсь непосредственно к случаю Казахстана, пытаюсь разобраться, как именно перенос столицы должен был ответить на самые непростые вызовы, стоящие перед элитой. В четвертой части я рассмотрю случай Казахстана в более широкой сравнительной перспективе и предложу некие выводы и прогнозы.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ПЕРЕНОСЫ СТОЛИЦ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Перенос столицы, как представляется, бросает вызов нашим представлениям о рациональности. В самом деле, тот, кто возьмется проанализировать такие различные случаи, как перенос столицы России из Москвы в Петербург в 1703 году, столицы Индии из Калькутты в Нью-Дели в 1911-м или столицы Казахстана из Алма-Аты в Астану в 1997-м, рискует подняться на столь высокий уровень абстракции, что рассмотрение потеряет всякую ос-

10. Об этом часто забывают, но ситуация в Казахстане приобрела стабильность во многом именно благодаря авторитарному правлению Нурсултана Назарбаева. Так, США привыкли полагаться на то, что бывший министр энергетики Билл Ричардсон назвал «базой стабильности в очень неопределенном регионе мира». См. его передовицу: *Richardson B. Crazy for Kazakhstan* // *Washington Times*. July 30, 2001.

мысленность¹¹. С другой стороны, тот факт, что похожее явление наблюдается в большинстве самых разнообразных случаев, может служить мощной сравнительной рамкой анализа¹². В этом разделе я попытаюсь разобрать несколько случаев, относящихся к различным контекстам, избегая излишне расширительных трактовок.

Становление Вестфальской системы международных отношений институционализировало качественный разрыв в природе притязаний на власть. Личные связи, объединяющие правителей с подданными, были поставлены под удар; стороны Вестфальского мира согласились с тем, что притязания на власть над определенной территорией должны опираться на правовые нормы. В определенных территориальных границах осуществление полномочий приобретало более интенсивный характер по мере того, как административный аппарат и аппарат принуждения начинали контролировать плотные массы населения. На повестке дня было формирование лояльности населения, проживающего на ограниченной территории.

Система суверенных государств, закреплённая в Вестфалии, была изначально европейским феноменом. В Европе демографическое давление усиливало региональные и континентальные конфликты, что в конечном счете приводило к появлению национальных государств¹³. На большей части европейского континента процесс государственного и национального строительства начался еще до появления современных государств. Вестфалия просто ввела в рамки международного права то, что уже становилось реальностью де-факто, — элиты уже создали государства, с помощью налогообложения, призыва на военную службу, развития инфраструктуры добившись гомогенизации населения и роста лояльности различных групп подданных. Разумеется, многое было сделано уже после 1648 года, процессы национального и государственного строительства продолжались. Но для целей нашего исследования важно, что к тому моменту они уже начались.

За пределами Европы последовательность часто была обратной: стремление к созданию жизнеспособных государственных структур и обеспечению лояльности различных групп населения¹⁴ возникало уже после появления государственности. По мере своего распространения за пределы Европы институт государственного суверенитета стал ресурсом для неевропей-

11. См.: *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии // *Политика*. 2003. № 3. С. 67–71.
12. *Mill J. S.* Two Methods of Comparison // *A System of Logic*. N.Y.: Harper & Row, 1888.
13. *Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States, A.D. 990–1992. Cambridge: Blackwell, 1990.
14. *Clapham Ch.* Sovereignty and the Third World State // *Political Studies*. 1999. Vol. XLVII. № 3. P. 522–537.

ских элит. Государственность позволяла властям быть признанными на формирующейся международной арене еще прежде приобретения легитимностью внутри страны серьезной значимости. Государства в международном, правовом смысле сформировались еще до того, как были построены жизнеспособные структуры управления или произведен новый тип лояльности.

Учитывая это различие в порядке следования событий, роль столиц в основных государствах Вестфальской системы и в неевропейских государствах была различна. В Европе¹⁵ элиты использовали столицы для того, чтобы осуществлять властные полномочия в отношении потенциально нелояльных периферийных районов. Столица контролировала эти территории и концентрировала богатство, чтобы платить за обеспечение контроля. Эти города служили тем целям, для которых и создавались государства как таковые. В неевропейских странах, напротив, государственность возникла вне связи с развитием управления и административного контроля над территорией или формирования лояльности населения, обитающего на этой территории. Несколько упрощая, в Европе столицы возникли как естественная составляющая государственного и национального строительства, а за пределами Европы они появились после установления территориальных границ. В последнем случае столицы справлялись с государственными функциями очень посредственно. После деколонизации постколониальные элиты должны были так же, как и их европейские коллеги, создать и локализовать где-то реальные столицы, контролирующие территорию и обеспечивающие лояльность населения.

Учитывая эти различия в природе государственности и функциях столиц, не все попытки их переноса можно охарактеризовать как явления одного порядка. Позвольте мне бегло обозначить ключевые различия. До того как притязания на власть стали ограничиваться рамками определенной территории в Вестфальской системе, перенос столиц имел мало общего с претензией на контроль над территорией. Переносы столиц в империях были связаны с придворными интригами (перенос столицы из Нанкина в Пекин в 1420 году) или со сменой идентичности правящей элиты (перенос столицы из Москвы в Петербург в 1703 году). Переносы столиц под колониальным управлением (из Калькутты в Нью-Дели в 1911-м) осуществлялись колониальной администрацией из своих соображений. Много позже, когда развитые индустриальные страны задумали такие переносы (Япония в 1960-е и 1990-е, Германия в начале 1990-х),

15. *Herbst J. I. States and Power in Africa.* Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 14.

ТАБЛИЦА 1. Переносы столиц в конце XX века¹⁶

<i>Страна</i>	<i>Год</i>	<i>Новая столица</i>	<i>Старая столица</i>
Бразилия	1956	Бразилиа	Рио-де-Жанейро
Мавритания	1957	Нуакшот	Сен-Луи (Сенегал)
Пакистан	1959	Исламабад	Карачи
Ботсвана	1961	Габороне	Мафикенг
Ливия	1963	Триполи	Бенгази
Малави	1965	Лилонгве	Зомба
Белиз	1970	Бельмопан	Белиз
Танзания	1973	Додома	Дар-эс-Салам
Нигерия	1975	Абуджа	Лагос
Кот-д'Ивуар	1983	Ямусукро	Абиджан
Германия	1990	Берлин	Бонн
Казахстан	1997	Астана	Алма-Ата
Малайзия	2000	Путраджайя	Куала-Лумпур

безопасность и контроль не были важнейшей целью — на первом месте стояли соображения экономической перспективности и технической рациональности. Наконец, когда колониальные державы (США, Канада, Австралия) основали свои столицы, они постепенно продвигались вглубь территории, как правило не встречая сопротивления со стороны малочисленных и слабых в военном отношении коренных народов.

Таким образом, перенос столицы в постколониальном контексте в основном служит задачам национально-государственного строительства. Эти задачи являются определяющими для данного контекста, даже несмотря на то что в других контекстах их нельзя полностью исключить. Ограничивая пространство сравнительного анализа постколониальными контекстами, мы получим более правдоподобную картину. В табл. 1 перечислены случаи, которые я имею в виду.

ПОЧЕМУ СТОЛИЦЫ ПЕРЕМЕЩАЮТСЯ?

Авторитаризм и авторитарные предпочтения

Переносы столиц, более распространенные, чем мы изначально предполагали, все же остаются достаточно редким явлением, и первоочередной вопрос здесь состоит в том, возможно ли

16. Эта таблица в значительной степени опирается на: *Hall P. The Changing Role of Capital Cities // Capital Cities / Les Capitales: Perspectives Internationales / International Perspectives / J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew (eds.). Ottawa: Carleton University Press, 1993.*

некое общее объяснение для всех этих случаев и есть ли в таком объяснении необходимость. В самом деле, разнообразная литература на эту тему избегает обобщений, концентрируясь на конкретных примерах, в которых принимается во внимание множество факторов. Центральное место среди всех этих факторов, как правило, отводится персональным склонностям и причудам авторитарного правителя, принимающего решение о переносе столицы вопреки здравому смыслу, мнению популярной оппозиции и мудрым советам политических консультантов.

Действительно, поскольку многие переносы не решают поставленных задач, аналитики часто начинают с того, что ставят под вопрос их полезность. Рассуждая о переносе столицы Малави, Поттс¹⁷ утверждает, что авторитарный президент принял решение в первую очередь

...исходя из соображений личного престижа, а не из рационального стремления реструктуризировать экономику Малави.

Сходными мотивами ниже объясняется решение Бабангиды построить новую столицу Нигерии в Абудже.

Сверкающие здания и грандиозные проекты в большей степени отражали волю президента, чем потребности обнищавшего населения. Разумеется, личные причуды авторитарного лидера, — часто включающие склонность к мегаломании, — играют свою роль. Тем не менее, заостряя внимание на особенностях характера правителей, мы рискуем упустить некоторые сквозные темы; результаты анализа не должны сводиться к описанию предпочтений лидера страны¹⁸.

Проекты такого масштаба легче реализовать в отсутствие демократических процедур¹⁹. В авторитарных политических системах элиты могут смириться с огромными финансовыми издержками, предвосхищая будущие символические, политические и экономические дивиденды. Оппозиция подобным предприятиям, возникающая неизбежно, в конечном счете куда более сговорчива, чем была бы в условиях неавторитарного режима. Репрессивным режимам куда проще переместить столицу (авто-

17. Potts D. Capital Relocation in Africa: The Case of Lilongwe in Malawi // *The Geographic Journal*. 1985. Vol. 151. № 2. P. 188.

18. Даже личные предпочтения диктаторов не складываются эндогенно, то есть вне всякой связи с политическими и социальными обстоятельствами, с которыми те имеют дело.

19. Такие проекты, как правило, грандиозны в архитектурном отношении, хотя имеют поверхностное сходство с крупномасштабными общественными работами. Ниже я выражаю сомнение в том, что переносы столиц могут быть предметом общественного интереса.

ритаризм может быть одной из причин), тем не менее такие режимы обычно не переносят столицу (а если делают это, то выбирают определенное время, что само по себе требует объяснения). Если авторитаризм и является обязательным условием, то точно недостаточным²⁰.

Рационально-технические причины

Авторитарные условия переноса столицы, описанные выше, становятся источником дополнительной методологической трудности. Аккуратная реконструкция расчетов, проводимых элитой, стоящей за принятием решений, представляет собой непростую задачу даже в условиях демократии²¹. В недемократических контекстах трудности возрастают многократно. Элита, стремящаяся оправдать радикальные политические решения, обнаружит любое количество правдоподобных объяснений, скрывающих тем не менее реальные мотивы. Мы не можем принять официальные объяснения за чистую монету, не подвергнув их предварительно критической переоценке.

Обосновывая решение о переносе столицы, официальные круги, как правило, указывают на необходимость повышения экономических показателей и улучшения механизмов администрирования. Месторасположение старой столицы, как утверждается, было выбрано в целях обслуживания коммерческих и геостратегических интересов колонизирующей силы и не отвечает экономическим и административным задачам независимой государственности. Новая столица должна быть спроектирована и локализована так, чтобы стать экономическим центром, мощным узлом инфраструктуры и моделью эффективного администрирования. Начав с нуля, можно было бы быстро обойти ограничения старых экономических, транспортных и административных структур. Достижение этого результата, безусловно, является желаемым, утверждают официальные лица.

В подобных объяснениях есть своя правда: столицы прибрежных стран, например государств деколонизируемой Африки и Азии, были расположены вдоль побережья и, таким образом, экономически ориентированы на обслуживание различных потребностей бывшей метрополии²². Эта ориентация не впол-

20. Я различаю случаи изначального выбора столицы и случаи перемещения столицы. Решения разместить столицу в Вашингтоне, Канберре или Оттаве отличаются от физических переносов столиц из одного места в другое.

21. Allison G. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston: Little Brown, 1971.

22. См.: Murphey R. *New Capitals of Asia // Economic Development and Cultural Change*. April 1957. Vol. 5. № 3. P. 216–243.

не отвечала задачам постколониального государства — столица не могла обслуживать население, географически рассредоточенное на огромной территории²³. В теории хорошо спланированный и реализованный перенос столицы должен был обеспечить экономическими возможностями и государственными службами внутренние районы страны. В самом деле, в период расцвета теории модернизации (совпавшего по времени с последствиями деколонизации) такое рационально-техническое решение проблемы развития могло казаться совершенно разумным.

Если правителям рационально-техническая теория служит подспорьем в переоценке альтернативных объяснений аналитиков, сама по себе эта трактовка не является достаточным основанием переноса столицы. Высказывания авторитарной элиты могут вводить в заблуждение. Рационально-технические причины приводятся для международной аудитории, особенно для доноров, которые находят такой язык привлекательным. Доводы, призванные легитимировать перенос столицы на международной арене, порой ничего не значат для легитимации внутри страны. Если рационально-технические соображения и играют определенную роль в решении о переносе столицы, они недостаточны.

Даже если мы отнесемся без скепсиса к официальным причинам переноса столицы, есть и другие соображения, ставящие под сомнение рационально-техническую теорию. Во-первых, даже если столицы, расположенные вдоль водных путей, обслуживали коммерческие интересы империй, нет никаких причин утверждать *априори*, что в отсутствие колониализма силы местной коммерции сами собой сконцентрируются внутри страны, а не на побережье. Помимо прочего, судоходство было принципиально важно для торговли, особенно в тех контекстах, где государство не координировало и не финансировало работу железных дорог. В конечном счете это эмпирический вопрос, который должен рассматриваться для каждого случая отдельно: способствовало ли давление, оказываемое на силы местной коммерции концентрации власти и капитала внутри страны или на побережье? Проще говоря, перенос столицы вглубь страны не может быть чисто экономически рациональным.

Во-вторых, утверждение о том, что расположение столицы в колониальные времена было экономически иррационально, а новое расположение в постколониальные времена — рационально, приводит к определенному парадоксу в случае с Казахстаном. Месторасположение Алма-Аты не отвечает экономической ориентации на Москву. Если бы казахская столица была избрана по коммерческим соображениям, она была бы располо-

23. См.: *Herbst J. I. Op. cit.*

жена ближе к российской границе. Даже если экономическая рациональность и играет роль в определенных случаях, этот фактор не является столь убедительным в случае Казахстана.

В-третьих, как показала Поттс, убеждение в том, что столицы переносятся в целях стимуляции экономического роста и повышения эффективности управления правдоподобно, но те переносы столиц, которые состоялись, крайне мало этому поспособствовали. По поводу Малави она утверждает, что

...несмотря на то что на уровне риторики Лилонгве придавалось большое значение как центру роста, аргументы регионального планирования в большей степени использовались для оправдания переноса, чем в качестве реального руководства к действию²⁴.

Я не могу судить обо всех переносах столиц, которым вменялись задачи экономического роста и повышения эффективности управления.

Наконец, даже если существующая столица расположена невыгодно с точки зрения экономической и управленческой рациональности, это говорит нам только о том, что ее следует перенести. Это ничего не говорит о том, куда она должна быть перенесена.

Политическая география национально-государственного строительства

Другой аспект переноса столиц — это политическая география государственного и национального строительства. Под государственным строительством я подразумеваю усилия, направленные на подрыв базы альтернативных, конкурирующих сил и развитие жизнеспособных институций. Под национальным строительством я подразумеваю работу, направленную на формирование лояльности широких слоев населения, занимающего территорию государства. На практике эти процессы тесно переплетены. В целях анализа мы можем их разделить.

Строительство государства через патронаж

Государства — это организации, успешно маргинализировавшие конкурирующие организации. Придя к успеху, они институционализируют нормативный режим²⁵, распространяя его на некоей ограниченной территории. Перенос столицы дает

24. Potts D. Op. cit. P. 188.

25. Я благодарен Хакану Явузу, предложившему этот термин в личном разговоре.

возможность вознаградить сторонников и подорвать позиции конкурентов в контексте конструирования эффективных институтов²⁶.

Строительство государства может осуществляться в различных формах. Если аппарат колониальной эпохи остается в значительной мере нетронутым, новая элита сталкивается с институтами, практиками и кадрами, служившими принципиально иным целям. Не сопротивляясь колониальному наследию, элита столкнется с определенными трудностями перед лицом новых экономических и политических реалий. В то же время элита, стремящаяся идти против колониальной инерции, встретит сопротивление и породит оппозицию. Тот, кто выбирает первое — сопротивляться колониальному наследию, — должен построить альтернативную базу поддержки.

Перенос столицы — это часть стратегии патронажа. Президент Малави Банда перенес столицу, чтобы консолидировать свое господство. Не делая большого различия между укреплением своей власти и эффективностью государства, он перенес столицу в область вблизи своего места рождения, где была сконцентрирована этническая группа чева²⁷, к которой он принадлежал. Схожий случай имел место в Кот-д'Ивуар — президент Уфуэ-Буаньи перенес столицу из Абиджана в Ямусукро, президентское место рождения. В обоих случаях перенос укрепил позиции президентской власти.

В Ботсване (как и в Казахстане, как мы увидим) перенос столицы был осуществлен иначе. В Ботсване перенос столицы из Мафикенга в Габороне сдвинул центр власти ближе к конкурирующим группам, ставящим под угрозу формирование государственности. Габороне давал возможность усилить контроль над шестью из восьми основных племенных групп, так как это было «место встречи вождей племен»²⁸. Была ли столица выбрана из соображений укрепления сетей правителя или для того, чтобы взять под более жесткий контроль альтернативные центры власти, расчет на использование патронажа в целях ослабления конкурентов сыграл свою роль.

26. Я не ставлю знака равенства между эффективностью институтов и их службой на благо общества. Эффективный институт всего лишь функционирует стабильно, не будучи затронутым значительными внешними или внутренними проблемами. В противовес работам Патнэма, для которого демократия и эффективность синонимичны. См.: *Putnam R. Capital Relocation in Africa: The Case of Lilongwe in Malawi // Making Democracy Work. Princeton: Princeton University Press, 1994.*

27. *Potts D. Op. cit. P. 188.*

28. Лучшее: *Alan C. G. Gaborone: Problems and Prospects of a New Capital // The Geographical Review. 1970. Vol. 60. №1. P. 4.*

*Символическое
государственное строительство*

Государственное строительство включает не только создание физической инфраструктуры, но также конструирование символической машины распространения идей политической легитимности лидера, культурной правоты и эффективности в управлении. Вкратце государственное строительство включает определение условий нормативности режима. Это может быть особенно важно в тех случаях, когда государство пытается оказывать населению услуги, но более эффективно в использовании (часто монополизации) медиаресурсов для трансляции своего сообщения внутренней и внешней аудитории.

Перенос столицы — это акт, исполненный символизма. Новые столицы (или уже существующие города, радикально перестраиваемые, чтобы стать столицами) призваны подчеркнуть место государства в современном экономическом и политическом мире. Через их строительство государство делает символический прыжок к равенству с другими современными государствами. Это особенно поразительно в Бразилии, где высокий модернизм воплотился в архитектуре и где функции столицы были выражены политическими и административными, — особенностями, понятыми как маркеры принадлежности к современной системе государств²⁹. Как пишет Рапопорт,

...главным назначением Бразилии было государственное управление, остальные функции вторичны. Как церемониальный и символический город, он мог в большей степени выражать величие нации, чем, скажем, королевства³⁰.

В этом смысле Бразилия — как Габороне, Лилонгве и другие столицы — давал элите возможность транслировать обычным людям смысл современной государственности (пусть определенный временем и контекстом).

Управление культурным разнообразием

Я предположил, что государственное строительство через перенос столицы задействует политику патронажа, создавая альтернативные базы власти или ослабляя конкурентов. Это указывает

29. См.: *Scott J. C. The High Modernist City // Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, CT: Yale University Press, 1998. P. 103–146.*

30. *Rapoport A. On the Nature of Capital Cities and their Physical Expression // Capital Cities.*

на существенные черты политики элиты, но относительно мало сообщает о простых людях.

Перенос столицы также служит стратегиям национального строительства, поскольку может способствовать формированию общей идентификации у большего культурного сообщества. Другими словами, перенос столицы используется для формирования лояльности широких масс граждан³¹. Например, Нигерия, экспериментировавшая с различными формами институциональных реформ в целях умиротворения своего мультиэтничного и мультиконфессионального населения, перенесла столицу из Лагоса в Абуджу отчасти потому, что Абуджа расположена между преимущественно мусульманским Севером и христианским Югом. Таким образом, она географически принадлежит как Северу, так и Югу и никому в отдельности. Как обсуждалось выше, Ботсвана столкнулась с похожими вызовами, и потому из всех возможных вариантов выбор пал на Габороне.

Национальное строительство включает в себя формирование минимума лояльности населения широкому культурному сообществу. Хотя это не обязательно исключает различные субнациональные идентификации, будь то конфессиональные, этнические или связанные с группами интересов, это, скорее, предполагает подчинение субнациональных идентичностей вышестоящей. В постколониальных условиях нации часто формирует элита, отстраивая баланс альтернативных видов лояльности культурно многообразного населения.

В целях успешного переноса столицы элиты, формирующие нации, сочетают методы кнута и пряника. Преимущества государственного строительства включают новые экономические и политические возможности, рост инвестиций и доступ к политической власти, повышение уровня занятости и большую известность в регионе для политиков. Экономическая, политическая и физическая безопасность региона также может возрасти не только для элит, но и для основного населения, становящегося получателем лучших услуг и поэтому сильнее ассоциирующего себя с новой национальной идентичностью, которую пытается репрезентировать элита.

Для того чтобы перемещение прошло успешно, в ходе переноса столицы также может применяться метод кнута. Управление беспокойным регионом, особенно с преобладанием этнических меньшинств, может быть сопряжено с трудностями и даже

31. Я свободно использую термин «граждане», несмотря на то что многие из этих контекстов являются авторитарными. Когда права защищены слабо, а обязанности перед государством определены туманно, понятие гражданства становится двусмысленным.

с возможным сепаратизмом. В этом случае новое месторасположение столицы приносит с собой силу принуждения и большую способность к осуществлению контроля над непокорным населением, проживающим вблизи города. Кроме того, перенос может привести к демографическим переменам, особенно если имеет место миграция людей из района старой столицы в район новой. Если культурная группа, к которой принадлежит элита, недостаточно широко представлена в регионе, избранном для новой столицы, миграция этой группы в новую столицу может кардинально изменить культурную географию региона.

ПЕРЕЕЗД В АСТАНУ

В то время как географические, экономические и политические факторы играют свою роль в любом решении о переносе столицы, я полагаю, что в Казахстане перемещение столицы из Алма-Аты в Астану было задумано в качестве ответа на вызовы национально-государственного строительства, очень актуальные для государства. В то время как на всей территории бывшего СССР элиты сталкивались со схожими проблемами, в Казахстане они были наиболее масштабными. Фактически в этом смысле ситуация Казахстана в большей степени напоминает кейсы постколониальной Африки, чем другие постсоветские ситуации³².

Официальные причины

Столица Казахстана была перенесена по ряду причин³³, многие из которых, в соответствии с официальными источниками, были географическими. Одна из этих причин состояла в проблемах городской географии, характерных для Алма-Аты, старой столицы. Алма-Ата была расположена в зоне высокой сейсмической активности, и ученые прогнозировали разрушительные землетрясения в течение ближайших десятилетий. Другая проблема месторасположения Алма-Аты состояла в том, что горы Залийского Алатау ограничивали расширение города на юг и восток,

32. Разумеется, существует масса различий между среднеазиатскими и африканскими случаями. Я просто хочу предложить измерение, в котором можно говорить о сходствах.

33. Сара Проссер предлагает детализированное описание в: *Prosser S. Capital Movement: Kazakhstan's New Center // Central Asia Monitor. 2000. Vol. 5. P. 5–20.* Моя цель состоит не в том, чтобы повторить ее описание, а в том, чтобы показать политическую динамику движения, что проще сделать в отношении Казахстана, но это также открывает возможности для более широкого сравнительного анализа.

стесняя его экономические возможности. Этот же горный хребет задерживал в воздухе вредные вещества, из-за чего загрязнение атмосферы в городе колебалось от умеренного до сильного.

Официальные лица говорили о том, что расположение Алма-Аты также ограничивает ее политическое влияние, потому что она расположена на периферии обширной малонаселенной³⁴ степи, граничащей с Китаем. Отношения Китая с бывшими советскими государствами были нестабильны до конца 1990-х, делая Алма-Ату небезопасным местом для управления Казахстаном. В качестве коммуникационного, транспортного и коммерческого узла месторасположение Алма-Аты в большей степени связывало между собой государства Средней Азии, чем районы самого Казахстана³⁵. Астана, казалось, могла предложить лекарство от этого болезненного синдрома, проистекающего из неустраняемых географических фактов.

Несмотря на то что географические причины переноса столицы были существенными, я полагаю, они не были единственными, как на это указывают чиновники. Если причины переноса исчерпывались географическими факторами, остается загадкой, что отличает случаи переноса столиц от тех случаев, когда соображения географии подталкивали правительства к подобному шагу, но он так и не осуществлялся. Почему Аргентина отменила запланированный перенос столицы из Буэнос-Айреса в Кармен-де-Патагонес? Почему Япония не реализовала план переноса столицы из Токио ни в Сендай, ни в Нагую? Почему Россия не перенесла свою столицу на восток в постсоветский период в целях развития связей с отдаленными регионами обширного государства? На эти вопросы нет ответов. Я просто хочу сказать, что официальные причины дают неполную картину мотивов, стоящих за подобными решениями.

*Строительство государства
через консолидацию власти*

«Государственное строительство» — некорректное выражение при обсуждении постсоветской политики. В конце концов, пост-

34. Казахстан недозаселен не с точки зрения естественной окружающей среды, которая не располагает к густой населенности, но, скорее, в перспективе политического управления и экономического роста.

35. К концу 1990-х Алма-Ата была коммерческим центром для большей части Средней Азии. Это стало результатом как ориентации Казахстана на свободный рынок, привлекающей иностранный капитал, так и медленного темпа экономических реформ в альтернативном центре власти в регионе, Узбекистане, где поток иностранного капитала был отрезан достаточно рано.

советская Россия уже располагала государствами, по существу она была наследницей государства, достигшего когда-то такой мощи, что его даже называли тоталитарным. Соответственно, обычной парадигмой анализа региона был «транзит», потому что это слово подразумевает телеологию прогресса, направленность и четко определенные конечные цели.

Сила концепции государственного строительства состоит во внимании к государству как к критическому условию предоставления общественных благ, в том числе связанных с политическими и экономическими реформами³⁶. Тем не менее, как и многие другие концепции, она несовершенна. Она преуменьшает наследие советской власти, тот факт, что усилия по конструированию бюрократического аппарата осуществляются не на «чистой доске», а на пространстве, усеянном частично жизнеспособными структурами, оставшимися от предыдущих опытов государственного строительства. Работа элиты с существующими государственными структурами составляет сердцевину всех предприятий по национальному строительству. Я обращаюсь к четырем аспектам государственного строительства в Казахстане и выдвину предположение о том, что перемещение столицы было задумано отчасти для того, чтобы содействовать формированию государства вопреки институциональному наследию советского периода.

Один из первых шагов на пути государственного строительства связан с именем Нурсултана Назарбаева, президента Казахстана, уничтожившего старые источники патронажа, оставшиеся с советских времен. Подобно Борису Ельцину, пошедшему на вооруженный конфликт с Думой советской эпохи в 1993 году, Назарбаев столкнулся с задачей трансформации государственного аппарата советского периода. Эта задача была особенно сложной ввиду того, что Средняя Азия претерпела не так уж много коренных изменений в период перестройки. В отличие от прибалтийских республик и Украины (а также в меньшей степени Молдавии и России), где республиканские элиты трансформировали зарождающийся государственный аппарат, сплотив его на началах этнического национализма в конце 1980-х, в Средней Азии движения за независимость были куда слабее, а республиканские лидеры были назначенцами советской эпохи³⁷. Как следствие, в Средней Азии не случилось многих институциональных разрывов на республиканском уровне, испытанных другими новыми государствами.

36. См.: *Beyond State Crisis? Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia Compared* / M. R. Beissinger, C. Young (eds.). Washington, D.C.; Baltimore, MD: Woodrow Wilson International Center for Scholars Press; Johns Hopkins University Press, 2002.

37. Единственное исключение — президент Киргизии Аскар Акаев.

Принципиальный политический *modus operandi* постсоветского периода оставался неизменным с позднесоветских времен, когда брежневская политика веры в кадры консервировала республиканские элиты. Динмухамед Кунаев, бессменный первый секретарь партии, оказывал влияние на структуры патронажа во всей республике. Доступ к благам, будь то потребительские товары или промышленные продукты, а также доступ к политической власти были структурированы отношениями патрона-клиента. С точки зрения бюрократической эффективности государственные службы были избыточными и раздутыми. По оценкам Всемирного банка, к моменту обретения независимости более миллиона казахов были заняты на госслужбе, получая зарплату из бюджета³⁸. Отсюда не удивительно, что функция государства была в меньшей степени веберовской и в большей состояла в обеспечении занятости и справедливости через всеобъемлющие структуры патронажа.

Международные финансовые институты (*IFI*) указали новому правительству на тот факт, что сокращение участия государства в экономике является необходимым условием получения международных кредитов и прямых иностранных инвестиций³⁹. В 1994 году Назарбаев последовал рекомендациям *IFI* по макроэкономическим и институциональным реформам. Казахская валюта, тенге, была введена в ноябре 1993-го и после года инфляционной кредитно-денежной политики, политики жесткой экономии, утверждена. Доходы существенно возросли, главным образом за счет многоуровневой программы приватизации, включавшей относительно немного ограничений на иностранную собственность и совместные предприятия по разработке обширных месторождений нефти и полезных ископаемых на территории Казахстана.

Перенос Астаны предоставлял Назарбаеву шанс маргинализировать ту часть чиновничества, которая сопротивлялась реформам или находилась вне его сетей патронажа. Масштабная институциональная реорганизация затронула практически каждую составляющую государственного аппарата — от Академии наук до Службы национальной безопасности. Поскольку физически государственные учреждения переезжали на север, в Астану, оп-

38. Kazakhstan: Transition of the State. Washington, D.C.: The World Bank, 1997.

39. Институциональная избыточность и раздутость не являются проблемой, требующей решения. Отчасти в силу привычки, отчасти благодаря успешному исполнению определенных социальных запросов многие бюрократии отстают от веберовского идеала. Имеющая давнюю традицию критика функционализма напоминает нам, что «потребность» (в данном случае — в государственном реформировании) не порождает своего собственного удовлетворения (в данном случае — успешной реформы).

поненты Назарбаева столкнулись с необходимостью либо адаптироваться, либо оказаться в гетто (в итоге большинство предпочло адаптироваться, и государственный аппарат так и остался переукомплектованным). Кроме того, перенос столицы предоставлял Назарбаеву возможность лоббировать экономические реформы, которые в конечном счете были выгодны лично ему.

С этим связан второй аспект работы по государственному строительству в Казахстане, состоявший в том, чтобы заменить существующие сети патронажа новыми. Институциональная реформа создала новую широкую систему патрон-клиентских связей. Наиболее значима эта система оказалась в формирующейся добывающей промышленности, занятой разработкой нефти, газа и полезных ископаемых.

Назарбаев не стремился отделить себя самого как президента от института президентства. Он идентифицировал себя исключительно с государством и его функциями и не делал различия между государственным контролем над активами страны и своим личным контролем. Патримониализм помогал рекрутировать в правящую элиту из членов Большой орды, политической партии, к которой принадлежал Назарбаев. Наиболее выдающимися членами «Золотой орды» были⁴⁰ Нуртай Абыкаев, ближайший советник Назарбаева; Ахметжан Есимов, вице-премьер с 1996 по 1998 год и глава администрации президента с середины 1998 года; А. Мусаев, глава Комитета национальной безопасности, преемника КГБ; Касым-Жомарт Токаев, министр иностранных дел; М. Аблязов, министр энергетики, промышленности и торговли; Омирбек Байгелди, председатель сената; Алтынбек Сарсенбайулы, директор Государственного агентства по делам печати и массовой информации.

Доминирование Большой орды способствовало консолидации власти Назарбаева и его родни. С середины 1990-х с началом массовой приватизации и открытием Казахстана крупномасштабным прямым инвестициям из-за рубежа политический вес членов семьи Назарбаева значительно возрос. Наиболее значимыми были связи между Рахатом Алиевым и Назарбаевым. Алиев, женившийся на дочери Назарбаева, работал директором налоговой полиции, а также имел интерес в разработке каспийских нефтяных месторождений. Алиев позже приобрел известность в CNS. Другой шурин Назарбаева, Тимур Кулибаев, владел «КазТрансОйл», стратегически важной трубопроводной компанией. Правящий клан Назарбаева сравнивали с могущественной семьей Сухарто в Индонезии, хотя правительство Сухарто было свергнуто в 1998 году.

40. Список составлен на основе: Амрекулов (1998), Масанов (1996, 1997) и газеты «XXI век» от 3 июня.

Переезд в Астану как выражение лояльности президенту вознаграждался, и добывающая промышленность этому способствовала. Внебюджетные фонды помогли построить Астану и не только поддержали общественную иллюзию (широко распознаваемую именно в качестве таковой), будто государству ничего не стоил перенос столицы, но также позволяли вознаградить лояльность более щедро.

Переезд в Астану был частью попыток Назарбаева справиться с проблемой яростного сопротивления реформам *IFI* и разбухания аппарата государственной бюрократии, а также замены сетей патронажа советской эпохи своими собственными. Сокращение аппарата подразумевало процесс селекции, и перенос столицы позволял отсеять менее лояльные кадры и вознаграждать более лояльные. Лишь тот, кто демонстрировал лояльность президенту, сохранял свои позиции в ходе институциональной реорганизации. Поскольку думать о проживании в Астане как о награде смешно, альтернативой была полная потеря позиций. Молодые профессионалы, получившие образование за рубежом, часто в числе первых получали места в реорганизованных структурах в Астане. Хотя эти молодые работники часто претендовали на роль технических экспертов и в целом были носителями технократического мировоззрения, на практике они были обязаны своими, обычно низкими позициями Назарбаеву и его сторонникам.

Государственное строительство не исчерпывалось политикой формирования альтернативных ресурсов патрон-клиентских отношений. Эти проблемы часто далеки от обычных людей, ощущающих все меньше и меньше влияния государства, сокращающего свою роль в социальном обеспечении. Для этих людей большее значение имеет символический аспект государственного строительства. Рапопорт утверждает:

Столицы предоставляют сцену и реквизит для церемоний и ритуалов — то, что можно назвать святынями и театром власти. Используя подходящий репертуар, политическая власть передает свое сообщение, и соответствующие институции предъявляют свою мощь, производя впечатление на большую аудиторию. Соответствующие элементы ярко выражают культурно-специфическую схему политической власти, акты запоминания, легитимации, обеспечения согласия и усиления официального определения государства⁴¹.

Центральная тема, воплощенная в архитектуре Астаны, подчеркивает легитимность членства Казахстана в международном со-

41. См.: *Raport A*. Op. cit.

обществе. Это символическое лицо Астаны было создано, чтобы подчеркнуть для внешней аудитории интернациональный аспект города. Новые правительственные здания представляли собой современные и комфортные сооружения, а не грандиозные памятники слабостям руководства. Архитектура новых парков, музеев, площадей и других публичных пространств перекликалась с неоклассицистской архитектурой европейских столиц. Подобно тому как государство покупает рекламную полосу в «Нью-Йорк таймс», чтобы провозгласить свое членство в мировом сообществе, формирующаяся архитектура Астаны была призвана транслировать аналогичное сообщение⁴².

Не все признали новую столицу легитимной. Многие рассматривали ее как потемкинскую деревню наших дней, быстро построенную, чтобы привлечь мировых инвесторов и зарубежную общественность. Ходили слухи о плохом качестве постройки и даже об опасных условиях в новых зданиях. Один из наблюдателей утверждал, что новые строения не идут в сравнение со зданиями советской эпохи: якобы в отличие от объектов, построенных в советское время, во всех новых строениях можно найти крупные трещины⁴³.

Строительство нового государства имеет решающее значение для легитимности нового правительства. В конце концов, современная государственность Средней Азии была советским изобретением XX века. До этого казахи, бывшие кочевым народом, не знали государственных институций. У них были исторические мифы о независимости, из которых можно было что-то черпать в постсоветский период, но эти мифы не содержали способов управления государственным строительством XXI века. Переезд в Астану был одним из способов ответить на вопрос о готовности Казахстана к независимой государственности.

Появление нового государства предполагает защищенность его границ. Первоначально это было практически неважно. В конечном счете большая часть постсоветского пространства оставалась экономически единой зоной, объединенной до 1993 года использованием русского рубля, так что первоначально серьезной необходимости в таможенных пунктах и патрулировании границы не было. России хватало внутренних проблем. По поводу китайских интересов в Средней Азии нет ясности, но близость Алма-Аты к границе ставила вопрос об уязвимости города со стороны Китая⁴⁴.

42. New York Times. December 16, 1998. A19.

43. Kalamov K. Op. cit.

44. Крайне маловероятной была ситуация откровенно агрессивной позиции Китая. Местоположение казахской столицы вряд ли имело значение,

Переезд в Астану перенес 7000-километровую границу с Россией ближе к центру государства и передвинул столицу на безопасное расстояние от китайского фронта.

*Воображая легитимное сообщество:
национальное строительство⁴⁵*

Логика системы международных отношений говорит в пользу слияния нации как культурного сообщества и государства как политической единицы, а значит, национальное и государственное строительство тесно связаны. Здесь я рассматриваю работу по национальному строительству отдельно. Есть три фактора, которые правители могут использовать для того, чтобы добиться хотя бы минимальной лояльности от абстрактной «нации»: этническое разнообразие, обращение к субэтническим группам и конструирование национальных символов, которые будут приняты населением.

Первый аспект — это этническое разнообразие. Казахстан был единственным постсоветским государством, где титульная группа казахов не составляла количественного большинства в 1991 году, что сообщало региону удивительный культурный плюрализм. Концентрация этнических русских на севере и северо-востоке страны порождала опасность сепаратизма⁴⁶, угрозу, которая не была беспочвенной. Иррендетисты в России призывали к присоединению Северного Казахстана к РФ⁴⁷, порождая напряженность вдоль обширной российской границы. Казаки в Казахстане, политически ориентированные на Россию, приступили к агитации за культурную и политическую автоно-

учитывая огромные размеры и технологическое преимущество китайских войск.

45. Определение Бенедикта Андерсена «воображаемый», применяемое для описания процесса, в ходе которого люди, никогда лично не встречавшие друг друга, начинают идентифицировать себя с большим абстрактным сообществом, остается уместным даже для процессов, протекавших в 1990-е. Оно отражает психологический сдвиг, который претерпевают обычные люди в ходе строительства нации. Я принимаю возражение Роджера Брубэйкера касательно того, что нации не являются физическими сущностями, но тем не менее к ним относятся и их воображают именно так, как если бы они были таковыми. См.: *Андерсон Б. Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; *Brubaker R. Nationalism Reframed*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
46. Сепаратистские настроения существовали, несмотря на то что Назарбаев поднимал этот вопрос в стратегические моменты, утверждая, что они не могут быть распространены шире, чем он предполагает.
47. *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию // Литературная газета. 18 сентября 1990.

мию. Эти события задевали многих в казахском этнонационалистическом движении, заставляя думать, что реальные столкновения неизбежны⁴⁸. Даже после масштабной эмиграции этнических русских из Казахстана в Россию, сократившей их число, эти северные и северо-восточные районы остались приблизительно на 63% неказахскими, с сильным доминированием этнических русских⁴⁹.

В 1990-е годы аналитики полагали, что казахстанская культурная смесь взрывоопасна. Бреммер предсказывал, что вдоль русско-казахской границы

...перспективы межэтнических отношений <...> хотя и не безнадежные, все же по большей части пессимистические⁵⁰.

Хазанов описывает, как

[этнически обусловленные социальные различия] стали источником взрывоопасной поляризации и социального разлада⁵¹.

Было непонятно, обладает ли новое руководство знанием, желанием или ресурсами для управления этой культурной сложностью.

Обеспечение лояльности этнических русских было сложной задачей, предполагающей сочетание принуждения, убеждения и некоторых форм символического приспособления⁵². Перенос столицы в Астану был частью этой стратегии. Физически перемещая институты государства в зону предполагаемых беспорядков, Назарбаев демонстрировал свою готовность мгновенно ответить на любую угрозу. Непропорциональный по отношению к остальной стране объем экономических возможностей, предоставляемых столицей, также представлял собой позитивный стимул для населения этих районов. Хотя пример Вашингтона напоминает о том, что столица не обязательно должна разделяться принципиальным значением в экономике, в условиях всеобщей бедности объем спонсорских денег и инвестиций,

48. Интервью Хасена Кожаметова. 26 марта 1998 года.

49. Согласно предварительным результатам, к таким регионам относятся Восточный Казахстан, Акмола, Караганда, Костанай, Павлодар и Северный Казахстан.

50. *Bremmer I. Nazarbaev and the North: State-Building and Ethnic Relations in Kazakhstan // Ethnic and Racial Studies. October 1994. Vol. 17. № 4. P. 632.*

51. *Khazanov A. M. After the USSR: Ethnicity and Nationalism in the Commonwealth of Independent States. Madison: University of Wisconsin Press, 1995. P. 173.*

52. См.: *Schatz E. Framing Strategies and Non-Conflict in Multi-Ethnic Kazakhstan // Nationalism and Ethnic Politics. Summer 2000. Vol. 6. № 2. P. 70–92.*

устремлявшихся в столицу, был непропорционален по отношению к остальной территории страны.

Второй аспект позитивного национального строительства связан с субэтническим делением титульной нации казахов, порождавшим необычную, но потенциально дестабилизирующую динамику⁵³. Как и другие бывшие кочевники, казахи делятся на части, называемые ордами (жуз), а те, в свою очередь, делятся на еще меньшие части, которые называются кланами (рус.). Субэтнические идентичности приблизительно соответствуют тем или иным территориям. Назарбаев, как и его учитель и предшественник Кунаев, был членом Большой орды, группы, локализованной на юге Казахстана. Малая орда была сконцентрирована на западе страны, Средняя орда — на севере. И борьба за хотя бы минимальную лояльность всех этнических казахов продолжала терзать элиту этой обширной территории вплоть до 2002 года.

Переезд в Астану создавал как минимум два способа умиротворения субэтнического соперничества. Во-первых, переезд породил негласный альянс между Большой ордой Назарбаева и Средней ордой, локализованной на территории, где расположена Астана. В условиях озабоченности русским сепаратизмом и агитацией казаков этот альянс стал мощным противовесом сепаратистским устремлениям. Экономические и политические возможности, предоставляемые Средней орде переносом столицы, были благом для тех казахов, которые в противном случае могли бы симпатизировать движению этнических русских и казаков⁵⁴. Во-вторых, негласный альянс сумел удержать в узде элиту Малой орды, на чьей территории находились месторождения нефти, природного газа и полезных ископаемых. Малая орда имела опыт сопротивления властям, особенно на полуострове Мангышлак⁵⁵, и историческая память об этом сопротивлении могла стать спусковым крючком в борьбе за региональную автономию. По мере развития добывающей промышленности на западе страны руководители в столице пытались подавить любое восстание казахов Малой орды.

Третий аспект стратегии национального строительства в Казахстане был связан с изобретением символов, которые

53. См.: *Idem*. Kinship and Power: Clan Politics in a Central Asian State.

54. Казахи Средней орды диспропорционально русифицированы в лингвистическом и культурном отношениях, что делает перспективы межэтнического движения правдоподобными.

55. *Омаров М.* Расстрелянная степь. История Адаевского восстания 1931 года: по материалам ОГПУ. Алматы: Билим, 1994.

имели бы широкий резонанс на всем пространстве казахстанского мультикультурного ландшафта. Это была особая задача, которую руководители Казахстана пытались решить, используя разнообразные и иногда противоречивые образы, обращенные к казахским этнонационалистам, казахам с русским бэкграундом, этническим русским и другим тюркским, казахским, славянским группам, населяющим страну. Эта символическая стратегия показывает, как режим использовал «евразийство»⁵⁶.

Евразийство представляло собой ряд символов, составляющих дискурс, привлекательный для неказахского населения, и расплывчатый набор привилегий для казахов. Так же как русские, пользовавшиеся непропорциональными привилегиями в советский период, этнические казахи получили аналогичное преимущество в постсоветский период. Казахские лидеры сконструировали двусмысленные культурные категории, предназначенные для универсального обращения и имеющие широкий резонанс у населения. «Советский человек» был фикцией, широко распространенной в советское время. «Человек евразийский» оставался у Назарбаева чем-то подобным. Назарбаев утверждал, что все казахстанцы, будь то этнические казахи, русские или другие культурные группы, являются евразийцами, относятся к некоей фантазматической амальгаме народов, проживающих в сердце суперконтинента. Хотя лишь немногие казахстанцы приняли образы евразийства за чистую монету в силу того, что евразийство демонстрировало глубокие этнические привязки, многие принимали их за свидетельство государственного интереса к укреплению межэтнического мира.

Переезд в Астану апеллировал к евразийским символам. Евразийство помещало Казахстан и его мультиэтническое население в географический центр обширного континента. Свободно отталкиваясь от идей советского ученого Льва Гумилева⁵⁷, Назарбаев стремится воздать должное мультикультурному наследию континента и предложить такое видение, которое оставит созидательную историческую роль за тюркскими народами, к которым принадлежат казахи. Евразийство полагалось органическим продуктом территории, о чем говорил в своей речи президент Назарбаев:

56. Евразийство применялось элитами в качестве символического аспекта национального строительства и имело мало общего с ревизионистской историографией русских ученых-эмигрантов, откуда получило свое название. Казахское евразийство преследовало совершенно иные цели.

57. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

Наше географическое положение — на перекрестке дорог евразийского региона. Процесс глобализации мировой экономики и политические процессы [*sic*] делают этот фактор одним из ключевых. Наши предки, как часть единой семьи тюркских народов, использовали этот важный стратегический фактор: на протяжении легендарного Великого шелкового пути был организован широкий торговый коридор между европейскими и азиатскими странами. Сегодня мы начинаем восстанавливать его в сотрудничестве с другими государствами региона и при поддержке мирового сообщества. Разумеется, в будущем система торговли, движение финансовых потоков и миграция людей между Европой и Азией будут расти. Именно по этой причине, не говоря уже о многочисленных факторах политической стабилизации, я выдвинул и буду развивать идею евразийства, которая, я уверен, имеет стратегическое значение для будущего⁵⁸.

Астана была принципиальной составляющей этого видения: так же как Казахстан обладал уникальным месторасположением на перекрестке культур, Астана занимала особое положение в сердце Казахстана и могла стабильно и эффективно обеспечивать коммуникации, транспортное сообщение и безопасность. Официальная презентация Астаны, состоявшаяся в июне 1998 года, воспроизводила классическую идеологию «интернационализма» советской эпохи. Церемонии включали «традиционные» танцы коллективов в «национальных» костюмах диаспоральных групп, нашедших приют в Казахстане, и обильно представленные символы гармоничной мультиэтничности, борьбы за ядерное разоружение и интернационального мира⁵⁹. В этом смысле перенос столицы был символическим ресурсом примирения различных взглядов на государственность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: О МЕСТЕ КАЗАХСКОГО ОПЫТА

Почему переезд в Астану был единственным случаем переноса столицы в постсоветских республиках? Если в Казахстане элиты посчитали перенос полезным инструментом национального и государственного строительства, почему он не применялся более широко? Мой тезис состоит в том, что Казахстан столкнулся со структурными условиями, делающими его ситуацию более схожей с африканскими постколониальными кейсами,

58. Назарбаев Н. Казахстан-2030: послание президента страны народу Казахстана. Алматы: Билим, 1997. С. 104.

59. Полевые заметки автора. 10 июня 1997 года.

чем с большинством подобных случаев на территории бывшего СССР, и что благодаря этим структурным условиям перенос столицы казался привлекательным. Два обстоятельства, которые выделяются особо, — это низкая плотность населения и высокая степень культурного многообразия.

Государственное строительство на территории бывшего СССР в целом было куда менее сложной задачей, чем в Африке. Постсоветская преемническая элита унаследовала институты бюрократии, громоздкие и неэффективные, но все же исполняющие важные социальные функции. Они не идеально подходили для решения экономических и политических задач независимой государственности, но они тем не менее демонстрировали большой потенциал, чем многие из их африканских аналогов⁶⁰. В результате проблемы государственного строительства были значительными, но менее острыми, чем в других постколониальных ситуациях.

Пять государств бывшей советской Средней Азии были необычными, потому что их республиканские элиты состояли в куда более явно выраженных колониальных отношениях с Москвой, чем элиты других советских республик. Эти государства зависели от Москвы буквально во всем, начиная с технической экспертизы и заканчивая финансами и кадрами. Государственные структуры, появившиеся в Средней Азии, в меньшей степени годились для независимой государственности, чем их аналоги в других бывших республиках.

Казахстан столкнулся с дополнительными задачами государственного строительства, потому что его территория была обширна и недозаселена, по существу бросая те же вызовы утверждающейся власти, которые Хербст наблюдал на всем африканском континенте⁶¹. Если в 1998 году в Африке средняя плотность населения составляла 25,9 человека на квадратный километр, то плотность населения Казахстана — 6,3 человека на квадратный километр.

Национальное строительство — это принципиальная проблема на всей бывшей советской территории, о чем говорят конфликты Азербайджана и Армении, Чечни и Российской Федерации, Абхазии и Грузии, а также гражданская война в Таджикистане. Тем не менее в целом культурное разнообразие в евразийских контекстах выражено меньше, чем во многих африканских кейсах. В самом деле, проблемы национального строительства впечатляют, но здесь они, как правило, в боль-

60. *Young C.* The African Colonial State in Comparative Perspective. New Haven, CT: Yale University Press, 1997.

61. *Herbst J. I.* Op. cit.

ТАБЛИЦА 2. Индекс этнолингвистической фрактализации, 1985⁶³

Страна	Оценка 1	Оценка 2	Оценка 3
Среднее значение: Африка	0,633	0,633	0,588
Среднее значение: бывший СССР	0,456	0,456	0,456
Казахстан	0,692	0,692	0,692

ПРИМЕЧАНИЕ. Все различия между африканскими и постсоветскими средними значениями статистически значимы с точностью до 0,05. Различие между средними значениями для Казахстана и Африки статистически не значимо ($p < 0,75$).

шей степени поддаются решению, чем в других постколониальных зонах.

По сравнению с другими постсоветскими государствами-наследниками ситуация Казахстана вновь оказывается необычной, так как по критерию культурного разнообразия Казахстан больше напоминает типичное африканское государство, чем среднее постсоветское. Один из индикаторов этого культурного разнообразия, пусть и несовершенный⁶², — это индекс этнолингвистической фрактализации (*ELF*), формула оценки уровня культурного плюрализма в данных обстоятельствах. Наиболее культурно гетерогенная зона оценивается в 1,0; наиболее культурно гомогенная — в 0,0.

Таблица 2 показывает, что культурная гетерогенность Казахстана независимо от того, как она оценивается, в большей степени напоминает средние значения для Африки, чем показатели других среднеазиатских государств. Но картина может быть обозначена еще более четко: я включил в таблицу североафриканские страны с их поразительной культурной гомогенностью — Египет, например, имеет показатель 0,025. Если бы я ограничил сравнение Африкой южнее Сахары, разница меж-

62. См.: *Laitin D., Posner D. Constructing Ethnic Fractionalization Indices*. Доклад, представленный в Лаборатории сравнительных исследований этнических процессов, Университет Дьюка, 20–23 апреля, 2000. URL: <http://www.yale.edu/macmillan/ocvprogram/licep/1/posner/laitinposner.pdf>.

63. Я благодарен Торбину Гранту и Скотту Макклергу за консультации по поводу этих данных. Три оценки этнолингвистической фрактализации характеризуют этническую группу с различных сторон. В первой все названные группы учитываются как отдельные. Во второй игнорируются расовые различия и различия языковых групп. В третьей игнорируются расовые, культурные и языковые различия. Первая оценка учитывает больше всего групп и имеет наибольший показатель *ELF*; в четвертой оценке учитывается меньше всего групп и показатель этнолингвистической фрактализации наименьший. См.: *Roeder Ph. D. Ethnolinguistic Fractionalization (ELF) Indices, 1961 and 1985*. February 16, 2001.

ду ней и средними значениями для бывшего СССР еще бы возросла. Более того, индекс *ELF* не учитывает субэтнические деления — орды и кланы в Казахстане. Если бы индекс *ELF* учитывал эти деления, показатель Казахстана был бы еще выше, равно как и Сомали ($ELF = 0,032$), и сравнимость казахстанского этнического ландшафта со многими африканскими контекстами прослеживалась бы еще более четко.

Роль международных норм — это другой фактор, отличающий евразийские страны от африканских. Конструирование государств и наций подразумевает международное признание и соответствующую позитивную санкцию. По завершении послевоенной деколонизации в международном сообществе не было единого мнения о том, принять ли существующие границы колониальной эпохи в качестве границ новых государств или существенно перекроить постколониальную карту. Решение было принято в пользу границ колониальной эпохи. В период десоветизации международные нормы о нерушимости границ, рассматривающие в качестве административных границ бывшие внутренние границы советского государства-империи, утвердились прочно. Нации должны были стать сообществами, определенными границами, в которых себя находит население. Государства должны были стать институциональными структурами и активами, находящимися на территории, определенной в качестве независимой. На всем пространстве бывшего СССР определения нации и государства были куда менее туманными.

Опять же Казахстан был необычным для постсоветского контекста. Его культурное многообразие ставило вопрос о возможности для административной единицы Советского Союза выступать в качестве государства-нации. В конце концов, по мере того как принцип самоопределения народов получал все более широкое применение по всему миру (свидетельством чему бывшие Югославия, Эритрея и Восточный Тимор), оставалось все меньше априорных причин не применять его к Казахстану. Таким образом, в то время как международное сообщество в целом поддерживало переход границ советской эпохи в статус границ независимых государств, в случае Казахстана все же сохранялась возможность для применения принципа самоопределения народов. В этом смысле ситуация Казахстана вновь перекликается с ситуацией африканских территорий времен деколонизации больше, чем другие кейсы бывшего СССР.

Ключевой момент: многие из обстоятельств, способствовавших обострению проблем государственного и национального строительства именно в Африке, а не в Евразии, были актуаль-

ны для Казахстана. Если переезд в Астану кажется странным в контексте десоветизации, это указывает на существенное различие постсоветского пространства и других постколониальных территорий. Переезд в Астану был и ординарным, и экстраординарным. Он экстраординарен в постсоветском контексте. Он, скорее, ординарен в широком ряду постколониальных ситуаций, где перенос столицы — более распространенный случай⁶⁴. Относительная редкость переносов столиц указывает на то, что вопросы национального и государственного строительства на постсоветском пространстве, казалось бы такие страшные, стоят там далеко не так остро, как в других постколониальных ситуациях.

Этот вывод имеет далеко идущие последствия. Аналитики правы в своих поисках замены концепции «транзита», часто применяемой для описания политики после государственного социализма. «Транзит» подразумевает идентифицируемые конечные пункты и ясно прослеживаемую направленность. Это забавно, если учесть контингентную природу процесса, который эта концепция призвана описать. Но сравнения с Африкой также несовершенны в применении к другим географическим регионам как аналогии с латиноамериканскими ситуациями. Политическая география государственного и национального строительства куда более применима к Африке южнее Сахары, чем к большей части бывшего СССР. Заостряя внимание на переносе столицы Казахстана, мы видим, что только среднеазиатские республики в этом отношении сравнимы со своими африканскими аналогами. Наше сравнение должно пересекать континенты, а не рассматривать их в качестве органических целостностей.

Позвольте мне предложить три довода. Во-первых, эти наблюдения за перемещением столиц могут оказаться применимы не только в постколониальных странах. Я ограничил область сравнения, потому что этого требовал мой метод концептуализации. Возможно, описанное имеет более широкую применимость в сравнительных целях. Например, Йоффе описывает, как элиты древней Западной Азии и Египта создавали то, что он называет

64. В постколониальный период 7 из 54 африканских столиц были перенесены (13%). Казахстан — единственная из 15 постсоветских республик, где столица была перенесена (6,7%). Если включить в рассмотрение Восточную и Центрально-Восточную Европу (рассматривая Югославию и Чехословакию как отдельный случай каждую), тогда Казахстан будет единственной из 24 стран бывшего соцлагеря, где была перенесена столица.

«невстроенными столицами», то есть «городскими площадками, построенными заново и предназначенными для вытеснения существующих структур власти и администрирования.

Он утверждает, что они

...обычно строились новыми элитами — как узурпаторами, так и реформаторами — как часть нововведений, призванных одновременно подорвать позиции конкурирующих фракций и задать новые стандарты управления и лояльности⁶⁵.

Так, Вашингтон во многом обязан своим месторасположением компромиссу между Севером и Югом, формировавшемуся параллельно другим шагам национального строительства⁶⁶. Я допускаю, что рассмотренные мной модели имеют более широкую применимость.

Во-вторых, я не утверждаю, что проблемы национального и государственного строительства отсутствовали в постсоветской Евразии. Перманентные конфликты в Нагорном Карабахе, Чечне, Абхазии, Таджикистане и других регионах прямо говорят об обратном. Моя позиция относится к региону в целом и его отношению к другим регионам.

В-третьих, моя аргументация не является функционалистской. Функционалист мог бы утверждать, что перемещение столиц служит нуждам национального и государственного строительства. Я не уверен, что такие переносы столиц полезны в этом отношении. Тем не менее, я уверен, что они могут быть полезны элитам, вовлеченным в процесс. Если говорить о функционалистской аргументации, то речь идет не о непосредственной пользе для нужд национального и государственного строительства, а о существенной пользе для политической повестки дня.

Наконец, я сравнил 11-летний период постсоветской истории с 26-летним периодом африканской. Возможно, мы станем свидетелями новых переносов столиц в евразийских государствах-преемниках. По причинам, которые я обрисовал, не думаю, что такие переносы вероятны. Если они все же произойдут, это поставит под некоторое сомнение мою характеристику различий между колониальными и постколониальными контекстами двух континентов.

65. Joffe A. H. *Disembedded Capitals in Western Asian Perspective // Comparative Studies in Society and History*. 1998. Vol. 40. № 3 P. 549.

66. Люкан Вэй, в личном общении.

REFERENCES

- Alan C. G. Gaborone: Problems and Prospects of a New Capital. *The Geographical Review*, 1970, vol. 60, no. 1.
- Allison G. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*, Boston, Little Brown, 1971.
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities], Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001.
- Beissinger M. R., Young C., eds. *Beyond State Crisis? Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia Compared*, Washington, Baltimore, Woodrow Wilson International Center for Scholars Press, Johns Hopkins University Press, 2002.
- Bransten J. Kazakhstan: Waiting For Nazarbayev In His New Capital. *Radio Free Europe / Radio Liberty*, October 09, 1997. Available at: <http://www.rferl.org/content/article/1086797.html>.
- Bremmer I. Nazarbaev and the North: State-Building and Ethnic Relations in Kazakhstan. *Ethnic and Racial Studies*, October 1994, vol. 17, no. 4.
- Brubaker R. *Nationalism Reframed*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996.
- Clapham Ch. Sovereignty and the Third World State. *Political Studies*, 1999, vol. XLVII, no. 3, pp. 522–537.
- Gumilev L. *Drevnie tiurki* [Ancient Turks], Moscow, Nauka, 1967.
- Hall P. The Changing Role of Capital Cities. *Capital Cities / Les Capitales: Perspectives Internationales / International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Herbst J. I. *States and Power in Africa*, Princeton, Princeton University Press, 2000.
- Joffe A. H. Disembedded Capitals in Western Asian Perspective. *Comparative Studies in Society and History*, 1998, vol. 40, no. 3.
- Kalamov K. Astana—bol'shaja "potemkinskaja derevnja". Severnaja stolica Kazakhstana napominaet gorod tret'ego mira [Astana is a big "Potemkin village". Northern capital looks like the Third World city]. *Vremja PO* [Time BY], January 24, 2001. Available at: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a075.htm>.
- Kazakhstan: Transition of the State*, Washington, The World Bank, 1997.
- Khazanov A. M. *After the USSR: Ethnicity and Nationalism in the Commonwealth of Independent States*, Madison, University of Wisconsin Press, 1995.
- Laitin D., Poser D. *Constructing Ethnic Fractionalization Indices. Constructing Ethnic Fractionalization Indices*. Paper presented at the Laboratory in Comparative Ethnic Processes, Duke University, April 20–23, 2000.
- Matloff J. Puzzle over capital move in Central Asia. *Christian Science Monitor*, February 3, 1999.
- Mill J. S. Two Methods of Comparison. *A System of Logic*, New York, Harper & Row, 1888.
- Murphey R. New Capitals of Asia. *Economic Development and Cultural Change*, April 1957, vol. 5, no. 3, pp. 216–243.
- Nazarbayev N. *Kazakhstan—2030: poslanie prezidenta strany narodu Kazakhstana* [Kazakhstan—2030: message of the President of the country to the people of Kazakhstan], Almaty, Bilim, 1997.
- Omarov M. *Rasstrel'iannaia step'*. *Istoriia Adaevskogo vosstaniia 1931 goda: po materialam OGPU* [Steppe shot. The History of Adyg rebel in 1931: according to OGPU materials], Almaty, Bilim, 1994.
- Potts D. Capital Relocation in Africa: The Case of Lilongwe in Malawi. *The Geographic Journal*, 1985, vol. 151, no. 2.
- Prosser S. Capital Movement: Kazakhstan's New Center. *Central Asia Monitor*, 2000, vol. 5, pp. 5–20.

- Putnam R. Capital Relocation in Africa: The Case of Lilongwe in Malawi. *Making Democracy Work*, Princeton, Princeton University Press, 1994.
- Rapoport A. On the Nature of Capital Cities and their Physical Expression. *Capital Cities / Les Capitales: Perspectives Internationales / International Perspectives* (eds. J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew), Ottawa, Carleton University Press, 1993.
- Richardson B. Crazy for Kazakhstan. *Washington Times*, July 30, 2001.
- Røeder Ph. D. *Ethnolinguistic Fractionalization (ELF) Indices, 1961 and 1985*, February 16, 2001.
- Sartori G. Iskazhenie kontseptov v sravnitel'noi politologii [Concept misformation in comparative politics], *Polis*, 2003, no. 3, pp. 67–71.
- Schatz E. Framing Strategies and Non-Conflict in Multi-Ethnic Kazakhstan. *Nationalism and Ethnic Politics*, Summer 2000, vol. 6, no. 2, pp. 70–92.
- Scott J. C. The High Modernist City. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven, CT, Yale University Press, 1998, pp. 103–146.
- Solzhenitsyn A. Kak nam obustroit' Rossiю [How to Rebuild Russia], *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper], September 18, 1990.
- Tilly Ch. *Cærción, Capital, and European States, A.D. 990–1992*, Cambridge, Blackwell, 1990.
- Young C. *The African Colonial State in Comparative Perspective*, New Haven, CT, Yale University Press, 1997.